

Москва...

Мэри Пэт Фоули опознала мужчин, наблюдавших за ней, сразу же, как только ее ботинки захрустели по припорошенному снегу у входной двери. Отличить их от других пешеходов, ютящихся на морозе, было нетрудно. Тренчи и фетровые шляпы, которые были несколько лет назад, уступили место темным лыжным курткам и меховым шапкам, но людей в них, сотрудников КГБ, было так же легко отличить. Их отличало бычье высокомерие, а также то, что они стояли в стороне, не имея никакой конкретной задачи, кроме как наблюдать и докладывать.

За ночь выпал снег, и он все еще шел, давая мужчинам повод для недовольства после того, как они провели утро в непогоде, ожидая, пока Фоули выйдет из своей квартиры.

Она поплотнее натянула тяжелое шерстяное пальто, защищаясь от пронизывающего московского ветра, и стала ждать, когда муж подгонит машину. Ее педантичные друзья в Штатах поправляли ее, когда она говорила, что сейчас зима, указывая на то, что ноябрь — это еще техническая осень.

«Глупости. Московской зиме было все равно, какая дата.»

Пока Фоули был в отъезде, маленький Эдди жил у жены сотрудника Госдепартамента по связям с общественностью. Это скрашивало мамино отсутствие, ведь у них был мальчик его возраста.

Эд знал, как это делается. Он подписался на это, когда женился на оперативном сотруднике ЦРУ, но все равно его беспокойство громко и отчетливо прозвучало в его молчании по дороге в аэропорт.

Начальник отделения ЦРУ в Москве был практически самой престижной должностью за границей, какую только можно было получить в агентстве. Но этот престиж был сопряжен с опасностью для их молодой семьи — еще одна вещь, на которую Фоули подписывались с открытыми глазами. Здесь существовали правила, общепринятые обеими сторонами, хотя и не совсем четко прописанные. Оперативные работники не должны были пострадать, по крайней мере, если только одна из сторон не считала, что может сделать это, не запачкав рук. Эд имел прикрытие в виде дипломата, но в КГБ считали его шпионом.

Они подозревали, что все в посольстве были шпионами — все, кроме, пожалуй, Мэри Пэт. Она была женой и матерью. Тем не менее, имея, казалось бы, бесконечный запас агентов, Комитет государственной безопасности — мог позволить себе следить даже за хоккейной мамой, когда она решала вернуться в США с коротким визитом. Ведь даже хоккейные мамы могут быть шпионами.

И они, конечно, были правы.

Мэри Пэт была кадровым оперативным работником, причем чертовски хорошим. Именно она спланировала их побег из этого богом забытого глубокого мороза, который ее семья называла своим домом.

Квартира Фоули находилась недалеко от внутренней кольцевой дороги, рядом с посольством США. Зимняя погода мешала движению транспорта, и дорога до международного аэропорта Шереметьево, расположенного к северу от города, занимала более часа. Головорезам в лыжных куртках не составило труда проследить за ними, тем более что прослушивающие устройства в квартире позволяли КГБ и ГРУ точно знать, куда они направляются.

Эд остановил маленький зеленый седан «Москвич 2140» на обочине у терминала «F». Стеклоочиститель со стороны водителя бешено стучал. Со стороны пассажира стеклоочиститель решил двигаться с половинной скоростью, не более чем размазывая слякоть, которую бросали в них другие машины, проезжавшие мимо.

— Осторожно, Джек Райан. — сказал Эд, помогая ей с сумкой. Он держал голову опущенной, а голос его был низким. Порывы ветра могли сбить любые направленные или параболические микрофоны. ЦРУ пользовалось устройствами для чтения по губам, так что вполне логично, что и русские тоже. — Он просто аналитик, книжный червь, который ничего не знает об улицах. Он может пострадать, а значит, можешь пострадать и ты. Я уже решил, что он мне не нравится...

— Со мной все будет в порядке. — она игриво похлопала его по попе.

Русские не очень-то любили «PDA», но она, как они говорили, вылетала оттуда на ближайшем шикарном самолете.

Она дважды встречалась с Джеком Райаном во время командировок в Лэнгли и считала его достаточно умным. Но ум не обязательно означает здравый смысл в полевых условиях. С сумкой в руках она приподнялась на цыпочки, чтобы подарить мужу страстный поцелуй — их обычное прощание, несмотря на присутствующих.

— Береги свою прекрасную задницу. — сказал он и уехал в серость, увлекая за собой головорезов из КГБ.

Двое, ожидавшие внутри, были более незаметны, и Мэри Пэт не обратила на них внимания, пока не зарегистрировалась и не дошла до своего выхода. Она вздохнула с облегчением, когда увидела, что оба они — мужчины. Это значительно упростило бы дело.

Один из отморозков был совсем еще мальчишкой, ему не было и тридцати, с мальчишеским лицом и торчащими из-под шерстяной шапочки-чулка волосами цвета соломы. У него был слишком серьезный взгляд, который говорил о том, что он либо серийный убийца, либо влюбленный школьник. Она называла его Опи, как мальчишку из «Шоу Энди Гриффита», и надеялась на последнее. В любом случае, он все равно был КГБ и, если бы дело дошло до этого, всадил бы ей в шею пулю из Макарова, хотя выглядел он достаточно мило, чтобы на минуту-другую почувствовать себя виноватым. Она называла его напарника Флойдом из-за его усов и требовательного характера. Судя по его взгляду, застрелить ее не составит труда.

Фоули сняла пальто, чтобы продемонстрировать джинсовую юбку с высокой талией — нарочито узкую на бедрах — и нарядную красную шелковую блузку, растянутую так, что обнажились ключицы.

Темные волосы свободно рассыпались по плечам. Опи и Флойд были для нее новичками, и хотя они изучали фотографии, но еще не были знакомы с ее причудами и привычками. Она хотела, чтобы они обратили внимание на ее грудь и задницу, а не на лицо. Это подмажет их, когда они приедут в Амстердам, и она сделает все еще интереснее.

С тех пор как в 1983-м году советские ублюдки сбили над Аляской рейс «007» авиакомпании «Кореан-эйрлайнс», самолетам «Аэрофлота» было запрещено приземляться в Соединенных Штатах. Для кураторов Фоули в КГБ было вполне логично, что она заказала билет из Москвы в Голландию, откуда пересядет на рейс «Бритиш-эйрвэйс» до Лондона, а затем на другой рейс до аэропорта Кеннеди. КГБ, вероятно, будет следовать по предложенному ею маршруту до самых Штатов, и это было большой проблемой, поскольку она собиралась в Берлин.

За день до этого она трижды вслух напомнила Эду о своем маршруте в США, чтобы те, кто ее слушал, могли заказать тот же рейс, если решат последовать за ней.

Во время полета в Амстердам она дважды выходила в туалет на корме, и ее полурасстегнутая блузка давала возможность увидеть бледное декольте, когда она проскальзывала мимо. Эд называл эту блузку «счастлив видеть меня», потому что она сильно обнажала грудь, когда было прохладно и на ней был прозрачный бюстгальтер, что она и сделала сегодня. Пожилая бабушка, сгорбившаяся на сиденье прямо напротив прохода, скривила губы и бросила Фоули молчаливый упрек, но ничего не поделаешь.

Вернувшись на свое место, Фоули сняла туфлю и позволила ей беспечно болтаться на кончике пальца. Под таким углом она оказалась в поле зрения Опи. Ей нравилось видеть, как он краснеет, когда она проходила мимо него во время второго похода в туалет.

Остановка в Амстердаме была, к счастью, короткой. Опи и Флойд остались с ней и последовали за ней на рейс «Бритиш-эйрвэйс». Они сидели на противоположной от Фоули стороне узкофюзеляжного «Боинга-757». Флойд, видимо, желая иметь лучший обзор, чем на предыдущем рейсе, сел на один ряд впереди Опи, на два и три ряда позади нее.

Время полета до Хитроу составляло менее девяноста минут. Это давало ей очень короткий промежуток времени, чтобы сделать то, что нужно.

— Хорошо, Мэри Пэт. — прошептала она про себя. — Пора посмотреть, что у тебя есть...

Она быстро поднялась, как только сработал знак ремня безопасности, и направилась на корму к туалету. К этому времени Опи и Флойд, должно быть, решили, что у нее очень маленький мочевого пузырь. Стюардесса-брюнетка на камбузе, заметив ее появление, улыбнулась, что-то шепнула своей коллеге и скрылась в соседнем туалете.

Фоули работала быстро, расстегивая блузку, как только задвинула дверную защелку. В замкнутом пространстве пришлось применить некоторые акробатические приемы. Особенно трудно было выпутаться из юбки, не упав на унитаз. Накануне ей приснился страшный сон о том, что она выскочила в коридор в одних колготках, и она вздрагивала каждый раз, когда ее бедра задевали тонкий лист пластика и фанеры, из которого была сделана дверь. Серая юбка и блузка в красно-бело-голубую полоску, спрятанная под раковиной, пришлось ей впору. Консервативный темно-синий блейзер завершил ее превращение в привлекательную, но строгую стюардессу «Бритиш-эйрвэйс». Волосы были убраны в тугий пучок. Нанесенные румяна и помада завершили процесс.

Она услышала, как Джейн О'Киф, стюардесса, которая на самом деле работала в британской секретной разведывательной службе, переодевается в джинсовую юбку и шелковую блузку. Она высаживалась в Амстердаме и первым классом летела в Нью-Йорк, а Фоули подавал коктейли на рейсе до Тегеля в Западном Берлине. Если все пойдет по плану, Опи и Флойд останутся с О'Киф.

Фоули спрятала одежду под раковину и в последний раз взглянула в зеркало. Тишина по ту сторону перегородки подсказала ей, что ее коллега из МИ-6 делает то же самое. Хотя эти две женщины и не были абсолютно идентичны, они вполне могли сойти за сестер, и любой, кто не обратил бы на них внимания, был бы одурачен.

«Так гласила теория.»

— Будем надеяться, что их основное внимание уделяется сиськам и задницам. — прошептала

про себя Мэри Пэт, в последний раз подкрашивая губы. — Сходство в этой области просто поразительное.

<http://tl.rulate.ru/book/107895/4030677>